

Научная статья

УДК 330.12

doi: 10.17223/19988648/58/3

Концепция социального государства в европейских странах

Алексей Викторович Петров

ФГБОУ ВО СибГМУ Минздрава России, Томск, Россия, lepyas@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена эволюции концепции социального государства европейских народов, оценке влияния на неравенство в разных странах. Рассмотрены сформировавшиеся модели социального государства. В рамках описанных моделей выявлены методы измерения результатов действия перераспределительных механизмов в части доходов населения и проведена сравнительная оценка влияния институтов социального государства на уровень неравенства в ряде стран. Рассмотренные аспекты позволят сформулировать рекомендации для РФ как социального государства.

Ключевые слова: социальное государство, европейские народы, неравенство, перераспределение доходов, социальная политика, модели, пособия, пенсии

Для цитирования: Петров А.В. Концепция социального государства в европейских странах // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 58. С. 42–57. doi: 10.17223/19988648/58/3

Original article

Models of a welfare state in European countries

Alexey V. Petrov

Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation, lepyas@gmail.com

Abstract. The article is concerned with the evolution process of European-style social welfare state. The welfare state is considered as a set of institutionalized strategies in the context of social citizen rights, which provide protection for everyone who can and is experiencing economic and/or social difficulties. Nowadays, there has been a significant amount of interest in the concept of a welfare state. The concept passed a long way of formation through its implementation in models of countries' development and repeated crises. This interest is contingent on actual issues of evaluating effects that lie in the plane of the influence of various welfare state aspects on the socio-economic processes taking place in countries. In this context, particular attention is focused on redistributive mechanisms. In some countries, income redistribution is a secondary goal and even a side effect if it appears at all in documents regulating the social policy of government. The approaches used within the framework of specific models have many differences either in the effectiveness of results or in the role of state institutions in terms of resource provision. The study of the approaches makes it possible to assess the impact of the welfare state on the level of income inequality. On the other hand, it is important to determine what kind of protection from social risks

(age, unemployment, disability, etc.) different welfare state models can offer, how these ensure the preservation of an individual's income necessary to meet a sufficiently wide range of needs. In the furtherance of this goal, the existing welfare state models – liberal, social democratic, conservative and South/Mediterranean – were analyzed. The study focuses on methods of measuring the resource component of social models within the framework of the described cases. The analysis has revealed that welfare states differ from each other not only in the amount of social budget spending but also in approaches of building their social protection systems. These differences have a significant impact on operation of labour market, people's work and family life and also on the level of social protection and income equality promoted by societies. The results of the redistributive mechanisms' influence of social state models on the level of income inequality were analyzed. The article identifies problematic elements of models critically dependent on the budget that governments spend to reduce inequality. It is difficult to count on increases in the volumes of resources necessary to ensure a permanent protection of people from social risks under unpredictable financial markets and real economic consequences of global financial crises. The considered aspects allow formulating recommendations for the formation of a welfare state in the Russian Federation.

Keywords: welfare state, European nations, inequality, income redistribution, social policy, models, benefits, pensions

For citation: Petrov, A.V. (2022) Models of a welfare state in European countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 58. pp. 42–57. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/58/3

Концепция социального государства имеет определенно разное толкование как в плане самого термина, так и дефиниции. В частности, в Кембриджском словаре приведено следующее определение: «Система, которая позволяет правительству страны за счет налогов обеспечивать социальные услуги, такие как медицинская помощь, пособия по безработице и т.д., людям, которые в них нуждаются» [1]. Британская энциклопедия, в свою очередь, дает такое определение: «Концепция, в рамках которой правительство или хорошо налаженная сеть социальных институтов играет ключевую роль по защите и содействию в экономическом и социальном благополучии граждан» [2]. Что касается самого термина, то в англоязычных странах устоявшимся можно считать «welfare state» или «государство всеобщего благосостояния», немецкий вариант – Sozialstaat или социальное государство, распространен в РФ, Италии и ряде других стран, скандинавским странам более привычен Folkhemmet (не имеет дословного перевода, наиболее близкое по значению «дом для народа»). На наш взгляд, разница в самих терминах накладывает определенный отпечаток и на экономическое содержание. Так, в немецком варианте более очевиден акцент на построении такой государственной системы, которая бы подчинялась интересам общества. В англоязычном варианте целевой ориентир – это благосостояние. Скандинавский вариант тяготеет к отождествлению государства дому, где общая цель – развитие и каждый вносит лепту в достижение данной цели. Обратимся к истории названного термина.

Термин «социальное государство», очевидно, имеет европейские корни. К 1850 г. в большинстве индустриальных капиталистических стран уже

возникли те или иные аналоги современных законов по борьбе с бедностью, вводились меры по охране труда [3, с. 84]. Более того, в 40-е гг. XIX в. правительство Пруссии уже начало проводить эксперименты с фондами социального страхования и здравоохранения [4, с. 42]. Именно в имперской Германии правительство Бисмарка впервые ввело обязательное социальное страхование в государственном масштабе, включая страхование по болезни в 1883 г., систему страхования от несчастных случаев на производстве в 1884 г. и страхование по старости и инвалидности в 1889 г. Данный опыт стал планомерно распространяться и в других европейских странах, где-то чуть раньше (Австрия), где-то значительно позднее (Нидерланды) [5]. Исследователи отмечают, что концепция социального государства имеет европейский характер, поскольку широкомасштабная, взаимосвязанная социальная политика, составляющая основу социального государства, отражает исторический европейский опыт социальных страданий, потрясений, протестов, политических конфликтов и войн, с одной стороны, и примирения, сотрудничества, стабильности, порядка, гармонии и мира – с другой [6]. Социальное государство явилось универсальной концепцией формирования и стабильности экономических, социальных, политических и культурных институтов. Так, социальное страхование Бисмарка по своей сути являлось не столько инструментом борьбы с социальными рисками индустриального общества и улучшения условий жизни работников, сколько инструментом достижения политических целей в рамках усиления стабильности государственного строя и социального порядка. Англоязычный термин «welfare state» был популяризирован архиепископом Йоркским Уильямом Темплом, который использовал его в 1941 г., чтобы противопоставить эту модель идеального государства нацистскому «военному государству» [7, с. 248].

Социальное государство зарекомендовало себя как идея и идеал, которые разделяют европейские народы, политическое и социальное достижение, высоко оцениваемое европейской общественностью, и институт национальной идентичности. Возможно, сегодня данный тезис более применим к скандинавским странам, чем другим государствам европейского содружества, но по уровню оценки населением национальных систем здравоохранения лидируют такие страны, как Бельгия (7,41), Швейцария (7,25), Финляндия (7,24) [8]. Даже в Соединенном Королевстве, где общественная поддержка государства всеобщего благосостояния, возможно, намного слабее, чем в скандинавских странах, Национальная служба здравоохранения (NHS) в 2014 г., к примеру, победила Вооруженные силы, Королевскую семью и BBC в конкурсе популярности [9, с. 32; 10].

Итак, как же сегодня следует трактовать содержание социального государства? На наш взгляд, необходимо сосредоточиться на двух ключевых функциях для определения приоритетов:

- функции Робин Гуда (перераспределение доходов населения и национального богатства);
- функции копилки (эффективные механизмы накопления доходов и страхования от рисков).

Действительно ли социальное государство – это своего рода Робин Гуд, который отбирает у богатых и раздает бедным? Первое, что здесь следует отметить, – хотя перераспределение доходов является важным аспектом социальной политики многих государств, особенно в части борьбы с бедностью, это не причина существования социального государства. По своей сути социальное государство – это совокупность институционализированных стратегий в контексте социальных прав граждан, которые различными способами обеспечивают защиту для всех, кто может и испытывает экономические и/или социальные трудности. Отсюда следует, что современная концепция социального государства ориентирована не столько на перераспределение доходов, сколько на объединение и перераспределение социальных рисков, особенно риска потери дохода. В своей работе Н. Барр очень четко описал данную функцию социального государства: «Копилка – это механизм, дающий людям возможность страховать от социальных рисков и помогать им в перераспределении ресурсов в течение всего жизненного цикла» [11, с. 47]. Важно отметить, что модели социального государства сильно различаются в том, насколько хорошо их «копилки» защищают граждан от социальных рисков и насколько эффективно их Робин Гуды перераспределяют доходы.

Во многих страновых моделях социального государства функция Робин Гуда менее значительна, нежели функция «копилки», в силу того, что системы просто не предназначены для перераспределения доходов (хотя все они в какой-то степени для этого предназначены). В некоторых из них перераспределение доходов является второстепенной целью и побочным эффектом, если оно вообще фигурирует в программных документах, регулирующих социальную политику, реализуемую правительством. То, чем действительно занимаются социальные государства, так это предлагают защиту от социальных рисков (старость, безработица, инвалидность и т.д.) и обеспечивают сохранение дохода индивида, необходимого для удовлетворения достаточно широкого круга потребностей. Большая часть перераспределения доходов в действительности происходит горизонтально, то есть на протяжении всей жизни и внутри однородных по доходу групп. В гораздо меньшей степени перераспределение доходов происходит вертикально, от богатых к бедным. Так, например, в Великобритании более половины перераспределения доходов осуществляется на протяжении всей жизни: люди создают сбережения во время своей активной трудовой жизни и используют их в тот момент, когда они наиболее необходимы [12]. Можно предположить, что в небогатых странах – социальных государствах функция Робин Гуда более выгодна с точки зрения повышения авторитета среди электората и правительство должно играть роль героя для бедных, потому что в этих странах многие социальные условия предназначены исключительно для лиц с крайне низким уровнем доходов.

Для оценки перечня и качества социальных прав, которые гарантируют модели социального государства своим гражданам, необходимо определить:

– строгость правил получения права на пособие;

– продолжительность периода, в течение которого человек должен вносить свой вклад в систему, прежде чем он получит право на социальный трансферт или услугу;

– зависимость социального пособия от прежнего дохода человека.

Считаем, что высоко оценить качество льгот и услуг можно в том случае, если претендовать на них относительно легко, а требуемый период взноса небольшой. Аналогичным образом оценить достойное качество системы социальных пособий можно тогда, когда коэффициент замещения пособием дохода высок, а его продолжительность внушительна.

Также необходимо обратить внимание на то, в какой степени социальное государство меняет, воспроизводит или даже усиливает социальное и экономическое расслоение. В работе Т. Пикетти [13] четко прослеживается мысль, что капитализм социального государства не только допускает несправедливое экономическое неравенство, но и вызывает и усугубляет его, несмотря на наличие различных форм перераспределения национального дохода.

По мнению Эспинга-Андерсена, «социальные государства являются ключевыми институтами в структурировании классов и социального порядка и в зависимости от их институциональной структуры они оказывают широко различающееся влияние на социальную структуру» [14, с. 55]. «Социальные государства могут быть одинаково большими или всеобъемлющими, но с совершенно разными последствиями для социальной структуры» [14, с. 55]. Эспинг-Андерсен выделил три модели социального государства: либеральное, социал-демократическое и консервативное. По его мнению, «одно может культивировать иерархию и статус, другое – дуализм, а третье – универсализм. Каждый случай создаст свою собственную уникальную ткань социальной солидарности» [14, с. 58].

Модель социального государства либерального типа ориентирована на рынок. В таких государствах меры по оказанию помощи и поддержанию доходов в основном ориентированы на бедные слои населения. Большинство граждан таких стран, как Австралия, США и Великобритания (за исключением здравоохранения), могут найти социальную защиту в частном секторе. Подобные системы характеризуются ограниченным доступом к льготам¹, которые финансируются по низким и фиксированным ставкам. Частное социальное страхование поощряется за счет налоговых льгот. Социальная поддержка в основном ориентирована на предоставление услуг и в меньшей степени на трансферты.

Социал-демократическая модель социального государства базируется на привязке социальных прав к гражданству или месту жительства и, следовательно, в значительной степени устраняет различия в социальном статусе. Эта модель характерна для скандинавских стран и, как правило, фи-

¹ Means test – метод официальной проверки доходов и бытовых условий индивидуального лица или семьи для определения их соответствия порогам получения социальной помощи и принятия решений о составе и размере такой помощи.

нансироваться за счет налогов, при этом доступ к социальным услугам гораздо более открытый, а перечень льгот и услуг более внушительный, чем в либеральной модели. При данной модели государство предоставляет социальные услуги для подавляющего большинства граждан без строгих условий. Роль рынка в предоставлении услуг и льгот значительно меньше, нежели в либеральной модели. Правительства данных стран делают упор на гибкие, но защищенные рынки труда и социальные инвестиции.

Консервативная, или корпоративистская, модель «социального государства» включает программы социального страхования, которые дифференцированы и сегментированы по профессиональным и статусным различиям. Кроме того, в таких странах, как Германия и Австрия, государственные служащие получают привилегированный режим в рамках социального страхования, особенно пенсионного. В рамках данной модели люди имеют право на получение пособия в таком размере, которое определяется пропорционально их трудовому вкладу. Трудовой стаж имеет решающее значение для приобретения социальных прав. Работники платят взносы в фонды социального страхования и получают пособия, связанные с заработком и зависящие от продолжительности периода внесения взносов. Эта модель, как правило, ориентирована на социальные услуги и требует больших трансфертов.

Очевидно, что в данной модели неравенство в доходах в значительной степени остается нерегулируемым и по сути имеет тенденцию скорее к усилению, нежели к смягчению существующих различий в статусе и доходах граждан. Занятые, особенно те, кто работают на государство, являются хорошо защищенными «инсайдерами»¹, в то время как те, кто не имеет сильной привязанности к частному сектору – рынку труда, являются «аутсайдерами», без социальной защиты.

В научных трудах также встречаются и другие модели социального государства. Некоторые ученые утверждают [15], что в Италии, Испании, Португалии и Греции существует четвертая модель – «южная», или «средиземноморская». Эта модель имеет много общих черт с консервативной, но характеризуется более фрагментированным и специфическим социальным страхованием, в рамках которого сильный акцент делается на пенсии (хотя в меньшей степени в Испании). В данной модели:

- очень выражена инсайд-аутсайд-структура рынка труда;
- значительна роль семьи в системе социальной защиты государства;
- недостаточно развита система социальной помощи;
- наблюдается клиентелизм при распределении пособий и рабочих мест в государственном секторе.

Рассмотренный перечень моделей социального государства дает понимание того, насколько существенно они различаются. Речь идет не только о том, какой объем средств тратится на социальную политику, но что

¹ Модель «инсайдер»-«аутсайдер» впервые представлена в теории Ассара Линдбека и Денниса Сноуэра в 1984 г.

наиболее важно для социальных результатов (социальная защита и неравенство), так это то, на какие конкретные социальные цели расходуются средства, как организованы и профинансированы эти программы и в какой пропорции они ориентированы на трансферты или предоставление услуг.

Из предыдущего тезиса очевидно, что измерение степени «социальности» государств в разных странах является сложной задачей. У этого есть две важные причины:

1. Прежде всего нужно понимать, что социальное государство – это сложная и неоднозначная система, которую можно измерить только косвенно. Какие переменные следует включить в расчет? Как определять вес каждого из них? На данные вопросы дается множество различных ответов, что приводит к различным результатам. Например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) включает в свой расчет пособия по медицинскому обслуживанию, в то время как Международная организация труда (МОТ) этого не делает.

2. Национальные статистические системы учета и используемые в них способы сбора данных не стандартизированы, могут существенно отличаться от страны к стране. Соответственно макроэкономические данные необходимо подвергать корректировке для объективного сравнения. Например, в Швеции пособия по безработице относительно высоки, но получатель платит с них налоги, в то время как в Германии эти пособия относительно низкие, но налоги не вычитаются [16, с. 6; 17, с. 6].

В силу вышеобозначенных причин в научном сообществе в основном склоняются к двум источникам:

- базе данных о расходах ОЭСР [18];
- индексу щедрости Скраггса [19].

Они различаются не только источником данных, но и теоретическими подходами и методом расчета. Оба они широко используются, но принципиально отличаются друг от друга. Эти методы можно охарактеризовать как «подход, основанный на расходах» (ОЭСР) и «подход, основанный на правах» (Скраггс). При подходе ОЭСР измеряются фактические государственные расходы на социальную политику, в то время как подход Скраггса основан на законных правах граждан на получение льгот. Индекс щедрости Скраггса зависит от коэффициента замещения ключевых социальных льгот, продолжительности предоставления таких льгот, требований, которым люди должны соответствовать, чтобы иметь право на получение пособий, количества дней ожидания и количества людей, охваченных системой социальной поддержки. По своей сути индекс отражает степень институционализации социальных услуг и льгот в качестве социальных прав, которые позволяют людям получать средства к существованию, не опираясь на рынок. Наглядным примером различий между подходами является страхование по безработице при режиме Тэтчер в 1980-х гг. в Великобритании. В этот период правительство значительно сократило пособия по безработице и болезни, но поскольку число безработных быстро росло, общие расходы увеличились. Согласно первому подходу государство стало более «социальным», так как стало больше тратить.

В то же время согласно второму подходу из-за уменьшения размера пособий и сокращения законных прав на получение льгот «социальность» государства уменьшилась. Данные подходы отслеживают различные тенденции. Использование обоих подходов подчеркивает их различные эффекты и проверяет их влияние на удовлетворенность жизнью индивидуально.

На рис. 1 страны ранжированы (от высокого до низкого) в соответствии с индексом щедрости в 1975 г. (по Греции самый ранний индекс рассчитан в 1983 г.). Чем выше оценка по этому показателю, тем более щедрыми являются социальные системы. Как видно на диаграмме, в 1975 г. шведское социальное государство социал-демократической модели было самым щедрым, а греческое социальное государство южной модели было самым скупым. Также можно довольно легко распознать классификацию социальных государств Эспинга-Андерсена. В 1975 г. самыми щедрыми социальными государствами были социал-демократические страны, за которыми следовали консервативные страны. Великобритания, которая относится к социальным государствам либеральной модели, находится в нижней части диаграммы, хоть исследователи [6] и отмечают больший уклон страны в консервативную модель в те годы. Как, собственно, и в случае с Италией, чья модель социального государства больше походила на либеральную, чем на специфическую южную модель социального обеспечения.

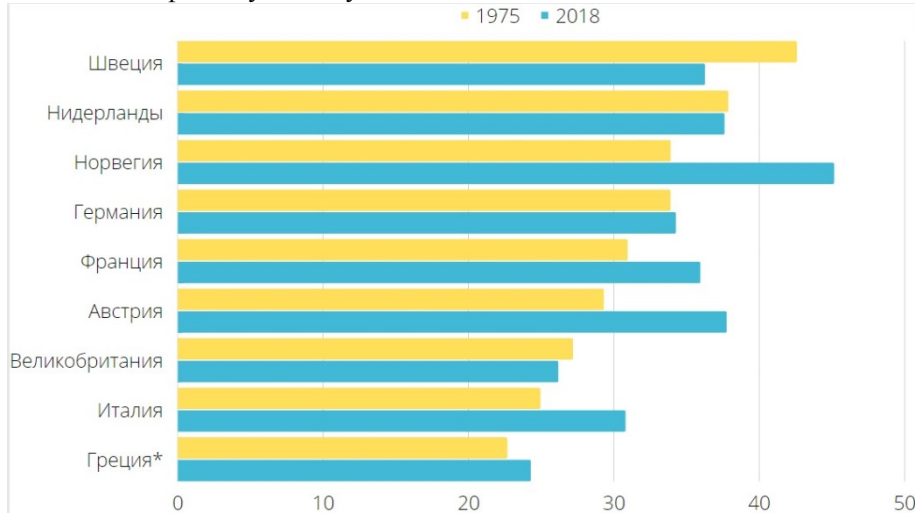

Рис. 1. Сравнение стран по индексу щедрости Скратгса в 1975 и 2018 гг.

Источник: составлено автором по материалам [19]

Рисунок 1 также показывает, что с точки зрения индекса щедрости четкая картина четырех моделей социального государства в 2018 г. стала несколько размытой. «Либеральная» Великобритания превратилась в еще менее социальное государство. Швеция, лидер рейтинга по индексу щедрости в 1975 г., в 2018 г. пропустила вперед Норвегию и даже «консервативную» Австрию, по сути поравнявшись с Францией.

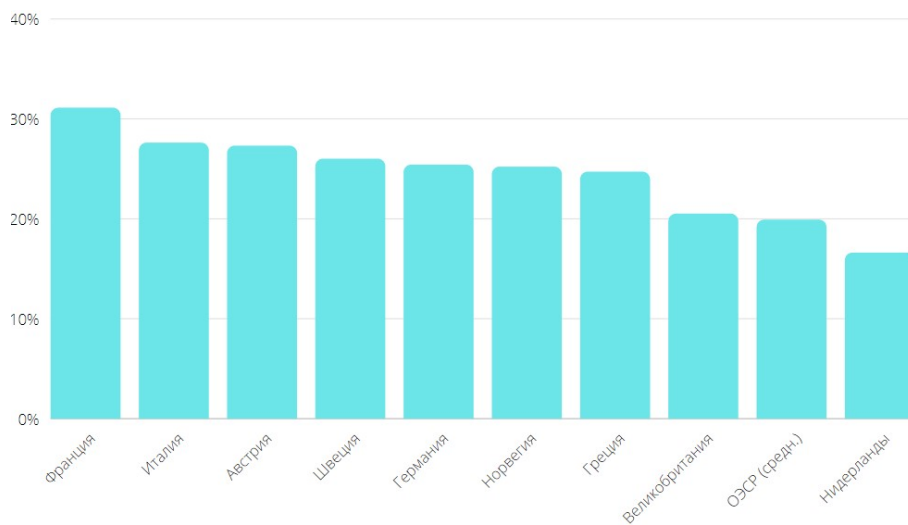

Рис. 2. Чистые социальные расходы стран ЕС, % к ВВП (2017 г.).

Источник: составлено автором по материалам [18]

Согласно расчетам по методологии ОЭСР, социальные государства довольно сильно различаются по размеру бюджетных ресурсов, выделяемых на социальные льготы и перераспределение, при этом чистые социальные расходы (2017 г.¹, после учета налогов, налоговых льгот и социальных льгот) варьируются от низких 16,6% валового внутреннего продукта (ВВП) в Нидерландах (один из лидеров по индексу щедрости) до высоких 31,2% ВВП во Франции (рис. 2). Сравнивая ранги государств в рамках разных методологий расчета, можно отметить интересные детали. Так, Норвегия, которая традиционно относится к социал-демократической модели социального государства и занимала первое место в индексе щедрости с точки зрения расходов на социальную политику, находится в середине диаграммы с 25,2%. Италия с 27,6% расходов занимает вторую строчку, хотя по индексу щедрости находилась в глубине списка.

Очевидно, что социальные государства не только отличаются друг от друга в объемах социальных бюджетных трат, они также отличаются в подходах построения своих систем социальной защиты. Эти отличия оказывают значительное влияние на функционирование рынка труда, на организацию трудовой и семейной жизни людей, а также на уровень социальной защиты и равенства доходов, которые поощряются обществами.

Однако вернемся к неравенству. Очень важно отметить, что объем расходов на социальную политику не всегда работает на сокращение неравенства. И действительно, существует достаточно сильная отрицательная корреляция между тем, насколько щедрыми являются страновые модели соци-

¹ Последние к этому времени данные.

ального государства, и тем, насколько они порождают неравенство [20]. По данным ОЭСР, социальные государства сильно различаются в том, населению с какими группами доходов они отдают наибольшие привилегии [21]. Социальные государства, относимые к южной модели, перераспределяют гораздо более высокую долю социальных льгот группе с самым высоким уровнем дохода, чем группе с самым низким уровнем дохода. Португалия возглавляет эту группу стран, где граждане с самым низким уровнем дохода получают относительно меньшую долю: около 11% всех денежных пособий достается 20% самых бедных, тогда как 40% денежных пособий достается 20% самых богатых. Недаром в этой стране также отмечается один из самых высоких уровней неравенства (рис. 3).

У этого явления есть две важные причины. Во-первых, большинство трансфертов в этих странах просто не предназначено исключительно для оказания помощи бедным, а скорее для покрытия социальных рисков всех социальных слоев. Во-вторых, пособия для пенсионеров, инвалидов и безработных часто привязаны к периоду выплаты взносов и зависят от заработка, так что относительно больше достается обеспеченным гражданам, чем бедным. Это утверждение особенно справедливо в отношении пенсионного обеспечения пожилых, так как в странах ЕС много так называемых «пенсионных» государств. Рассмотрим траты социальных государств по этому направлению в разрезе двух показателей из методологии ОЭСР, а именно пенсионное обеспечение и общие валовые государственные расходы на пожилых людей (включают неденежные пособия, наиболее важными из которых являются жилищные льготы) (рис. 4).

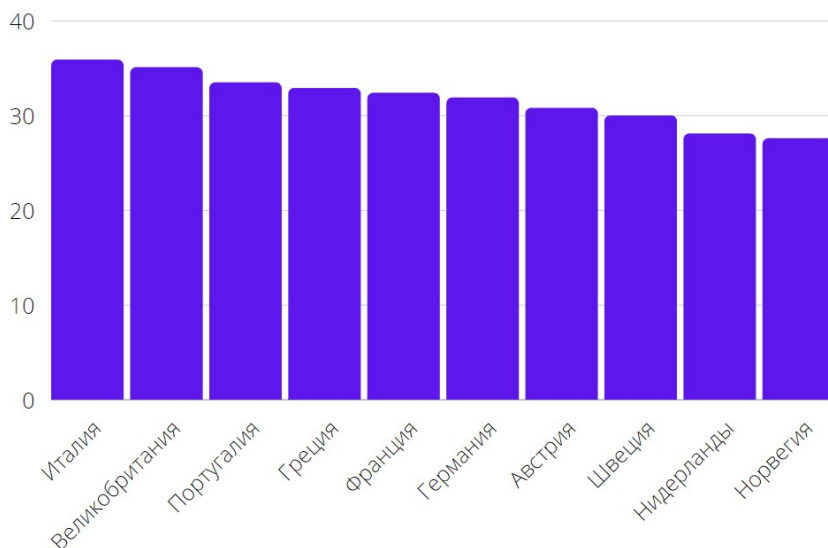

Рис. 3. Индекс Джини по странам за 2019 г.
Источник: составлено автором по материалам [22]

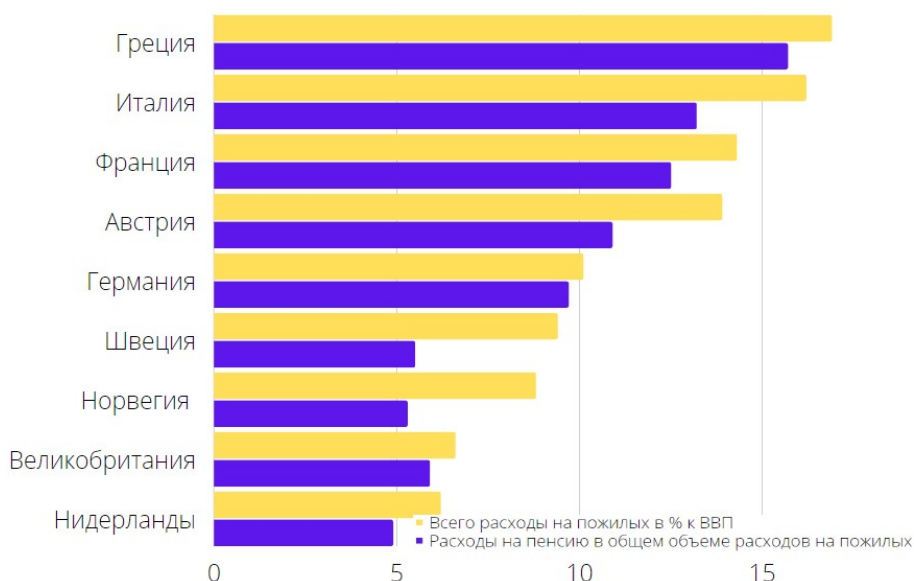

Рис. 4. Затраты на пожилых людей в странах ЕС в 2015 г. (пенсионное обеспечение и общие валовые государственные расходы), % к ВВП.

Источник: составлено автором по материалам [23]

Представители южной модели Италия (13,2%) и Греция (15,7%) тратят почти в три раза больше, чем социал-демократическая Норвегия (5,3%) и либеральная Великобритания (5,9%), опережая при этом и представителей социальных государств консервативной модели – Германию (9,1) и Австрию (10,9). Доля пенсий к ВВП в Греции – 92,9%, в Италии – 81,5%, в Германии – 96%, в Великобритании – 89,3%. А вот в социал-демократических Швеции и Норвегии – 58,5 и 60,2% соответственно, т.е. около 3,9 и 3,5% от ВВП эти социальные государства тратят на неденежные пособия. Это означает, что перераспределение доходов в данных «социальных государствах» с высоким уровнем пенсионных трат происходит не от богатых к бедным, а в первую очередь от одного периода жизни к другому. Другими словами, неравенство, возникающее в течение трудовой жизни, непосредственно воспроизводится, а не смягчается при выходе на пенсию.

Очень интересен пример Австралии, где социальное государство явно ориентировано на бедных, поскольку более 42% от общего объема льгот приходится на слабозащищенные слои населения и только 3,8% – на верхние [21]. Но данные по неравенству говорят о том, что уровень Австралии сопоставим с Португалией, о которой упоминалось ранее. Отсюда можно сделать вывод об отсутствии однозначной взаимосвязи между распределением государственных пособий по различным группам доходов и неравенством. Обосновать относительно большие трансферты для группы с низким уровнем дохода можно либо высоким уровнем общих расходов на социальную политику (Франция, Австрия, Швеция), либо адресностью

предоставления минимальных льгот исключительно тем, у кого нет других средств (Великобритания).

Исследование, проведенное Б. Ротшейном, показало, что значительная часть влияния «социального государства» на неравенство обусловлена схемой финансирования и распределения социальных пособий и услуг [24]. Социальные системы, финансируемые за счет налогов, характерные для социал-демократической модели, оказываются гораздо более перераспределительными, чем целевые системы, даже при условии плоской шкалы налогообложения. Это очень удивительно, учитывая их ориентированность не на бедный, а на средний класс, т.е. социальные группы с более высокими доходами непропорционально получают доступ к социальным услугам, особенно здравоохранению и образованию. Следовательно, можно было бы ожидать, что система с адресной поддержкой, в которой непропорциональная доля льгот достается бедным, будет гораздо более перераспределительной. Однако подобные системы, как правило, скупы, в то время как социал-демократические системы распределяют намного больший объем ресурсов и в результате оказываются гораздо более перераспределительными, чем более адресные. Данное явление получило название «парадокс перераспределения» [25].

В части измерения перераспределительного эффекта в социальном государстве в работе международной группы исследователей [26] предложен метод, основанный на оценке процентной разницы трансфертов и налогов между неравенством рыночных доходов и неравенством располагаемых доходов. Перераспределение доходов рассматривается как суммарный результат:

- от объема государственных расходов на денежные пособия;
- степени ориентированности системы налоговых льгот на бедных;
- прогрессивности налоговой системы.

Таким образом, группа авторов пришла к выводу, что все социальные государства добиваются хоть и незначительного, но снижения неравенства. Также отмечены крайне серьезные межстрановые различия в результатах перераспределительных эффектов. Интересно отметить, что страны с самым низким уровнем неравенства по доходам, а именно представители социал-демократической модели социального государства (Швеция, Норвегия, Дания), не входят в число стран с лучшими системами перераспределения. Авторы отмечают, что в этих странах наблюдается относительно равное распределение рыночных доходов. Кроме того, картина несколько искажена, поскольку не учитывается влияние внушительного перечня социальных услуг, финансируемых за счет налогообложения, на систему перераспределения в этих странах.

Подведем итог.

Социальные государства оказались удивительно гибкими и способными приспосабливаться к перманентно меняющимся условиям. Их основные социальные механизмы сохраняются, так что любая попытка радикального пересмотра продолжает встречать общественное сопротивление. Тем не

менее влияние данных механизмов на неравенство довольно неоднозначно. Как показало исследование, большинство социальных государств лишь декларативно ориентировано на сокращение неравенства. В частности, наиболее перераспределительной оказывается система, не ориентированная на адресность поддержки самых бедных слоев населения. А те системы, которые ориентированы на эту цель, критически зависят от объема расходов, который готовы тратить правительства стран на данное направление. Учитывая непредсказуемое состояние финансовых рынков и реальные экономические последствия глобальных финансовых кризисов, сложно рассчитывать на увеличение ресурсных объемов, необходимых для обеспечения постоянной защиты людей от социальных рисков, которые до сих пор предлагало социальное государство. В этом отношении критика [27] концепции социального государства видится вполне оправданной и заставляет нас искать иные пути реализации столь важных социальных и экономических задач.

Список источников

1. *Cambridge Dictionary*. Welfare state. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/welfare-state>
2. *Encyclopaedia Britannica*. Welfare state. URL: <https://www.britannica.com/topic/welfare-state>
3. *Polanyi K.* The great transformation: the political and economic origins of our time. 1944. URL: https://inctppd.ie.ufrj.br/spiderweb/pdf_4/Great_Transformation.pdf
4. *Hennock E.P.* The Origin of the Welfare State in England and Germany, 1850–1914: Social Policies Compared. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 400 p.
5. *Stein K., Sander A.* The Emergence of the Welfare State. The Oxford Handbook of the Welfare State / ed. by F.C. Castles, S. Leibfried, J. Lewis, H. Obinger, Ch. Pierson. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 61–80. URL: <https://books.google.ru/books?id=vGtEEAAAQBAJ&pg=PA92&lpg=PA92&dq=Kuhnle,+Stein,+and+Anne+Sander.+%E2%80%9CThe+Emergence+of+the+Welfare+State.%E2%80%9D+.&source=bl&ots=bk5KFcJRpD&sig=ACfU3U0NyXlaZoKjFRVPRpKS8JdEXXuQ0A&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewjU3qiQwNb2AhVOx4sKHQzWCW8Q6AF6BAgPEAM>
6. *Acemoglu D., Alesina A., Bickerton Ch.J. et al.* The search for Europe: contrasting approaches. 2016. URL: <https://www.bbvaopenmind.com/wp-content/uploads/2017/11/BBVA-OpenMind-book-the-search-for-europe-contrasting-approaches-1.pdf>
7. *Jones I.* Faith in the public square in 1941 and 1991: two Malvern Conferences reviewed // *Journal of Beliefs & Values*. 2016. № 37:3. P. 247–258. doi: 10.1080/13617672.2016.1237249
8. *Прохода В.А.* Оценка национальной системы здравоохранения жителями России и других европейских стран // *Политика и общество*. 2018. № 10. С. 65–77. doi: 10.7256/2454-0684.2018.10.27654. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27654
9. *Ipsos MORI*. Global trends 2014. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/publication/1970-01/ipsos-mori-global-trends-2014.pdf>
10. *Quigley A.* Maintaining Pride in the NHS: The Challenge for the New NHS Chief Exec. 2014. URL: [https://www.ipsos-mori.com/newsevents/blogs/makingsenseofsociety/1553/Maintaining-pride-in-the-NHS-The-challenge-for-the-new-NHS-Chief-Exec.aspx#gallery\[m\]/0/](https://www.ipsos-mori.com/newsevents/blogs/makingsenseofsociety/1553/Maintaining-pride-in-the-NHS-The-challenge-for-the-new-NHS-Chief-Exec.aspx#gallery[m]/0/)
11. *Barr N.* The Welfare State as Piggy Bank: Information, Risk, Uncertainty, and the Role of the State. Oxford University Press, 2001. 320 p. doi: 10.1093/0199246599.001.0001. <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/0199246599.001.0001/acprof-9780199246595>

12. Levell P., Roantree B., Shaw J. Redistribution from a lifetime perspective // IFS Working Papers. 2015. W15/27, Institute for Fiscal Studies.
13. Piketty Th. Capital in the twenty-first Century. Cambridge, MA : Belknap Press, 2014. 816 p.
14. Gosta E.-A. The three worlds of welfare capitalism. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/243774920_The_Three_Worlds_Of_Welfare_Capitalism
15. Petmesidou M., Guillén A. Economic Crisis and Austerity in Southern Europe: Threat or Opportunity for a Sustainable Welfare State? // South European Society and Politics. 2014. № 19. URL: <http://www.tandfonline.com/toc/fses20/current#.VDf0RRac6So>
16. OECD. The OECD tax-benefit model for Sweden. Description of policy rules for 2020. URL: <https://www.oecd.org/els/soc/TaxBEN-Sweden-2020.pdf>
17. OECD. The OECD tax-benefit model for Germany. Description of policy rules for 2020. URL: <https://www.oecd.org/els/soc/TaxBEN-Germany-2020.pdf>
18. OECD. Social Expenditure Update. 2020. URL: <https://www.oecd.org/els/soc/OECD2020-Social-Expenditure-SOCX-Update.pdf>
19. Scruggs L. Comparative Welfare Entitlements Project Data Set. Version 2022-01. 2022. URL: <https://www.cwep.us/home/data>
20. Carsten J., van Kersbergen C.J. The Politics of Inequality. Red Globe Press, 2016. 200 p.
21. OECD. Basic income policy option. 2017. URL: <https://www.oecd.org/social/Basic-Income-Policy-Option-2017.pdf>
22. World bank. DataBank. 2022. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?end=2019&most_recent_year_desc=true&start=1967&view=chart
23. OECD Social Expenditures Database (SOCX). OECD Main Economic Indicators Database. 2022. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/d6831cac-en/index.html?itemId=/content/component/d6831cac-en#:~:text=Public%20spending%20on%20cash%20old,spending%20on%20average%20in%202015>
24. Rothstein B. Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State. N.Y. : Cambridge University Press, 1998. 254 p.
25. Korpi W., Palme J. The paradox of redistribution and strategies of equality. Welfare state institutions, inequality, and poverty in the western countries // American sociological review. 1998. Vol. 63, № 5. P. 661–687.
26. Adema W., Fron P., Ladaïque M. How much do OECD countries spend on social protection and how redistributive are their tax/benefit systems? // International Social Security Review. 2014. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/issr.12028>
27. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA : Belknap Press, 1971. 538 p.

References

1. Cambridge Dictionary. (n.d.) *Welfare state*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/welfare-state>
2. Encyclopaedia Britannica. (n.d.) *Welfare state*. [Online] Available from: <https://www.britannica.com/topic/welfare-state>
3. Polanyi, K. (1944) *The great transformation: the political and economic origins of our time*. [Online] Available from: https://inctpped.ie.ufrj.br/spiderweb/pdf_4/Great_Transformation.pdf
4. Hennock, E.P. (2007) *The Origin of the Welfare State in England and Germany, 1850–1914: Social Policies Compared*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Kuhnle, S. & Sander, A. (2010) The Emergence of the Welfare State. In: Castles, F.C. et al. (eds) *The Oxford Handbook of the Welfare State*. Oxford: Oxford University Press. pp. 61–80.

6. Acemoglu, A. et al. (2016) *The search for Europe: contrasting approaches*. [Online] Available from: <https://www.bbvaopenmind.com/wp-content/uploads/2017/11/BBVA-OpenMind-book-the-search-for-europe-contrasting-approaches-1.pdf>
7. Jones, I. (2016) Faith in the public square in 1941 and 1991: Two Malvern Conferences reviewed. *Journal of Beliefs & Values*. 37 (3). pp. 247–258. DOI: 10.1080/13617672.2016.1237249
8. Prokhoda, V.A. (2018) Assessment of the national healthcare system by residents of Russia and other European countries. *Politics and Society*. 10. pp. 65–77. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0684.2018.10.27654
9. Ipsos MORI. (2014). *Global trends 2014*. [Online] Available from: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/publication/1970-01/ipsos-mori-global-trends-2014.pdf>
10. Quigley, A. (2014) *Maintaining Pride in the NHS: The Challenge for the New NHS Chief Exec*. [Online] Available from: [https://www.ipsos-mori.com/newsevents/blogs/makingsenseofsociety/1553/Maintaining-pride-in-the-NHS-The-challenge-for-the-new-NHS-Chief-Exec.aspx#gallery\[m\]/0/](https://www.ipsos-mori.com/newsevents/blogs/makingsenseofsociety/1553/Maintaining-pride-in-the-NHS-The-challenge-for-the-new-NHS-Chief-Exec.aspx#gallery[m]/0/)
11. Barr, Nicholas. (2001) *The Welfare State as Piggy Bank: Information, Risk, Uncertainty, and the Role of the State*. Oxford University Press. [Online] Available from: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/0199246599.001.0001/acprof-9780199246595>. DOI: 10.1093/0199246599.001.0001.
12. Levell, P., Roantree, B. & Shaw, J. (2015) Redistribution from a lifetime perspective. *IFS Working Papers W15/27*. Institute for Fiscal Studies.
13. Piketty, T. (2014) *Capital in the twenty-first century*. Cambridge, MA: Belknap Press.
14. Esping-Andersen, G. (2008) *The three worlds of welfare capitalism*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/243774920_The_Three_Worlds_Of_Welfare_Capitalism
15. Petmesidou, M. & Guillén, A. (2014) Economic Crisis and Austerity in Southern Europe: Threat or Opportunity for a Sustainable Welfare State?. *South European Society and Politics*. 19. [Online] Available from: <http://www.tandfonline.com/toc/fses20/current#.VDf0RRac6So>
16. OECD. (2020) *The OECD tax-benefit model for Sweden. Description of policy rules for 2020*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/els/soc/TaxBEN-Sweden-2020.pdf>
17. OECD. (2020) *The OECD tax-benefit model for Germany. Description of policy rules for 2020*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/els/soc/TaxBEN-Germany-2020.pdf>
18. OECD. (2020) *Social Expenditure Update*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/els/soc/OECD2020-Social-Expenditure-SOCX-Update.pdf>
19. Scruggs, L. (2022). *Comparative Welfare Entitlements Project Data Set. Version 2022-01*. [Online] Available from: <https://www.cwep.us/home/data>
20. Jensen, C., & van Kersbergen, C.J. (2016) *The Politics of Inequality*. Red Globe Press.
21. OECD. (2017) *Basic income policy option*. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/social/Basic-Income-Policy-Option-2017.pdf>
22. World Bank. (2022) *DataBank*. [Online] Available from: https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?end=2019&most_recent_year_desc=true&start=1967&view=chart
23. OECD Social Expenditures Database (SOCX). (2022). *OECD Main Economic Indicators Database*. [Online] Available from: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/d6831cac-en/index.html?itemId=/content/component/d6831cac-en#:~:text=Public%20spending%20on%20cash%20old,spending%20on%20average%20in%202015>.
24. Rothstein, B. (1998) *Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State*. New York: Cambridge University Press.

25. Korpi, W. & Palme, J. (1998) The paradox of redistribution and strategies of equality. Welfare state institutions, inequality, and poverty in the western countries. *American Sociological Review*. 63 (5). pp. 661–687.

26. Adema, W., Fron, P. & Ladaique, M. (2014) How much do OECD countries spend on social protection and how redistributive are their tax/benefit systems? *International Social Security Review*. [Online] Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/issr.12028>

27. Rawls, J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Belknap Press.

Сведения об авторе:

Петров А.В. – старший преподаватель кафедры экономики, ФГБОУ СибГМУ Минздрава России (Томск, Россия). E-mail: lepyas@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Petrov, senior lecturer, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lepyas@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.12.2021;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 05.05.2022.*

*The article was submitted 10.12.2021;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 05.05.2022.*